

в качестве яркой иллюстрации процесса зарождения национальных мифов. В-третьих, проведенный анализ дает основания полагать, что именно в ранних колониальных произведениях вырабатывались черты будущих стилевых особенностей американской литературы последующих веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декларация о независимости США. Archiving Early America: [сайт]. URL: www.earlyamerica.com/earlyamerica/freedom/doi (дата обращения 20.06.2009).
2. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y., 1962. P. 19.
3. Bradford W. History Of Plymouth Plantation: 1606-1646.s.l., 2001. P. 321.
4. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell Boston Vol. 2, 1931. P. 282.
5. Winthrop Papers ed. by A.B.Forbes. 1498-1644.

Boston: Massachusetts Hist. Soc., Vol. 1, 1929-1947. P. 137.

6. Baritz L. City on a Hill: a History of Ideas and Myths in America. N.Y., L., Sydney, 1964. P. 4.
7. Rowlandson M. Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson. New York, s/a. P. 32.
8. Williams R. A Key into the Language of America. Canada, 1936. P. 1.
9. Miller P., Johnson T. H. The Puritans. N.Y., Cincinnati, Chicago, 1938. P. 215.
10. Проблемы становления американской литературы. – М., Наука, 1981. – С. 58.
11. Уолт Уитмен. Песнь о тополе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sky-art.com/whitman/leaves/ru/leaves12_1_ru.htm, свободный.
12. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли в 3 т. М., 1962. Т.1. С.32.
13. Williams R. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Williams_\(theologian\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Williams_(theologian)), свободный.

РЕЗЮМЕ Leitmotif of Equality in Pre-national American Literature

УДК 82.091

Джанумов А.С.
Московский городской
педагогический университет

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА «ОЧАРОВАННЫЙ ИНОК»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ***

Аннотация. В статье рассматривается литературная (преимущественно, агиографическая) и фольклорная трансформация известного сюжета «Очарованный иннок». Показано проявление фольклорного влияния на литературные памятники. Исследуется специфика художественного времени и пространства в литературных и фольклорных произведениях с указанным сюжетом.

Ключевые слова: трансформация сюжета, сюжет «Очарованный иннок», народная христианская легенда, агиография, поэтика, мотив.

A. Dzhanumov

PLOT TRANSFORMATIONS OF «ENCHANTED MONK» IN LITERARY AND FOLKLORE TRADITION

Abstract. The article discusses literary (chiefly hagiographical) and folklore transformations of a well-known type «Enchanted

monk». The manifestation of the influence of folklore on literary texts is delineated. The specific character of aesthetic time and space in literary and folklore narratives of a type «Enchanted monk» is analyzed.

Key words: plot transformation, «Enchanted monk», national christian legend, hagiography, poetics, motif.

Данный сюжет [1] впервые появился в проповеди парижского епископа Мориса де Сюлли (ум. 1190/1196) [2]. Духовенство в Средние века, проповедуя, имело обыкновение иллюстрировать и подтверждать различные положения вероучения специально составленными для этого краткими назидательными и занимательными рассказами для народа – «exempla» («примеры»), которые придавали проповеди живость и возбуждали внимание слушателей. Для лучшего уяснения особенностей разбираемого сюжета приведу (в выдержках) его перевод, выполненный,

* © Джанумов А.С.

как и все последующие переводы, мною.

«Жил-был один добрый инок, который часто просил Бога в своих молитвах, чтобы Он хотя бы отчасти даровал ему узреть и показал бы великое блаженство, красоту и радость, обещанные любящим Его. И наш Господь Бог внял его молению. Ибо когда однажды он пребывал один в своей келье в стенах аббатства, Бог послал ему ангела в образе птички, которая села перед ним. Когда монах увидел ангела, впрочем, он не знал, что это был ангел, всякий принял бы его за птичку, он вззрился на эту прекрасную птичку. Инок так долго не сводил с нее глаз, что скоро позабыл обо всем вокруг. Он встал, чтобы поймать птичку, желая ее заполучить. Но когда он приблизился к ней, птичка отлетела немного дальше. Что тут долго рассказывать? Птичка увлекла доброго инока в сторону леса, который простирался за стенами монастыря. Увидев, что птичка уже возле леса, инок устремился к ней, дабы ее схватить. А птичка перепорхнула на ветку дерева и запела. Она пела так сладко! Никто никогда не слышал такого прекрасного пения. Добрый инок стоял перед деревом, созерцая красоту птички и внимая ее сладостному пению. Он пребывал в таком восторге, что забыл обо всем земном. И птичка пела, сколько было угодно Богу. А потом взмахнула крыльями и улетела. И тогда добрый инок поспешил назад в свою келью.

Был полдень. Пока инок шел, он говорил себе: «Господи, я ведь сегодня не вычитал часы. Что я скажу в свое оправдание?» Когда инок увидел аббатство, он его совсем не узнал. Ему показалось, что многое в обители переменилось.

- Боже мой! – воскликнул он, – где это я очутился? Разве это не тот же самый монастырь, из которого я вышел сегодня утром?

Он подошел к воротам обители и окликнул привратника по имени: Эвр, так его звали.

[Далее в тексте приводится разговор инока с привратником, аббатом и приором, в результате которого монах узнает, что отсутствовал триста лет].

И тогда добрый инок постиг чудо Божье и понял, что увлек его из монастыря ангел. И красота ангела, и его дивное пение явили ему, как он и просил, красоту и радость, уготованные друзьям Божиим на небесах. И монах премного дивился, что триста лет созерцал и слушал птичку и в столь великом блаженстве пребывал, что и не заметил, сколько времени минуло. Ведь ему казалось, что он пробыл в

лесу с утра и до полудня. И за все триста лет он совсем не состарился, и ряса его не обветшала, и обувь не прохудилась.

Узрите и поймите, сколь велики красота и блаженство, что дарует Бог друзьям Своим на небесах».

Все латинские произведения с рассматриваемым сюжетом отличаются своим концептивным изложением, поскольку предназначены для образованного проповедника, слушателя и читателя. Большинство из них являются притчами. В повестях и народных легендах на немецком языке усиливается фольклорное влияние на разбираемый сюжет и связанное с этим ослабление притчевого начала. В результате фольклоризации этих повестей появились произведения, в которых из-за контаминации сюжета часто оказывается нарушенной логика, последовательность и мотивация действия, смысловое единство композиции текста. В некоторых немецких народных легендах и повестях описывается старение героя, что противоречит требуемому данным сюжетом мотиву неведения иноком своего пребывания в ином мире. Главной причиной указанной трансформации является, скорее всего, переосмысление образа иного мира в фольклорной традиции Нового времени в связи с ускорением темпа жизни общества. Иной мир стал приобретать свойства этого мира, в том числе такие его проявления, как старение или необходимость питаться.

В немецких повестях XVI века, как в произведениях Нового времени, изменился стиль повествования – с серьезного на шуточный. Немецкий писатель, францисканский монах Иоганн Паули (ум. ок. 1530 г.) включил повесть «О птице, что пела одному брату триста лет» («Ein Vogel sang eim Bruder 300 Jar») в книгу «В шутку и всерьез» (изд. в Страсбурге в 1519 г.) [3], представляющую собой развитие традиции бюргерского шванка, в котором соединены шуточный, анекдотический и серьезный, назидательно-нравоучительный элементы, в раздел шуток (Schimpf), однако без шуточной интерпретации самого сюжета. Последняя появляется и у современника Иоганна Паули гуманиста Генриха Бебеля (1472-1518/1519) [4].

В древнерусской литературе разбираемый сюжет получил распространение через посредство переводной повести «Небеснаго сладкопения наслаждающагося един монах от птицы чрез 300 лет возвратися» [5] (во втором переводе повесть называлась «О славе

небесней и радости праведных вечней») [6] из сборника примеров «Великое зеркало» [7]. В первой половине XVIII повесть во втором переводе – «Тысяча лет пройде, яко день един» [8] – появилась в лубочном издании, через которое получила распространение в русском фольклоре, в том числе в духовных стихах.

Со временем первого русского перевода разбираемой повести совпадает ее переложение Симеоном Полоцким в его первом поэтическом сборнике «Вертоград многоцветный» (1678-1679) [9], в котором стихи расположены в алфавитном порядке, как в сборниках примеров. Источником стихотворения Симеона Полоцкого является проповедь И. Меффрета из его сборника [10]. О популярности стихотворения Полоцкого свидетельствует его помещение в рукописные сборники [11].

Е.К. Ромодановская [12] упоминает еще об одном русском варианте разбираемого сюжета, который сохранился в рукописи 1665 года [13]. Поскольку этот текст появился раньше первого русского перевода из «Великого зеркала», возможно, его источником послужила какая-нибудь другая западная повесть или народная легенда с разбираемым сюжетом. В повести отсутствует библейская цитата, ее назидание направлено против уныния, в которое впал инок.

В эпоху романтизма и неоромантизма разбираемый сюжет переосмысливается. Происходит взаимосвязанный процесс ослабления притчевого начала и усиление пасторальных мотивов под влиянием фольклорной поэтики и эстетики романтизма. В различных литературных трансформациях разбираемого сюжета появляются две новые особенности. Мотив попадания героя в иной мир во сне трансформируется в мотив попадания героя в иной мир в мечтах. В литературной традиции появляется отсутствующий в фольклоре (невосприимчивом к абстракциям) мотив духовного преследования времени, вечности, мечты, олицетворенных в образе птицы. История очарованного инока начинает использоваться не для подтверждения истинности библейского изречения, а в эстетических целях для иллюстрации различных представлений, мыслей и чувств литературного героя или автора в русле поэтики романтизма, например, раскрытие автором темы вечности, о которой размышляет инок.

Разбираемый сюжет использовался украинскими и русскими писателями XVIII-XIX веков, однако, скорее всего, заимствовался не из рукописного сборника XVII века, а

либо, как предполагает Е.К. Ромодановская, «через фольклор (сказки, легенды, духовные стихи) или лубок, где зарегистрирован тот же излюбленный круг тем» [13, с. 170], либо непосредственно из западных источников.

Наиболее полно разбираемый сюжет представлен в повести Н.М. Карамзина «Райская птичка» [14]. Карамзин отмечает, что «мысль сей пьесы взята им из русской народной сказки и показывает, что у нас на Руси давно уже имели понятие о чудесном действии гармонии на сердце человеческое» [15]. Птичка оказывается в центре повествования, поскольку сама история приводится не с целью проиллюстрировать библейское изречение, а чтобы выразить восхищение пением «любезной Аглаи». Л.В. Крестова [15, с. 206] указывает два фольклорных произведения, источником которых, возможно, послужила повесть Карамзина: «Легенда об иноке, заслушавшегося пения «Райской птички», записанная в 1864 г. Е.А. Чудинским в Твери [16], и песня о райской птичке, исполнявшаяся в начале XX века.

Выдающийся украинский мыслитель XVIII века Г.С. Сковорода использовал данный сюжет в одном из своих диалогов-притч – «Благодарный Еродий» (1787) [17], в котором аист Еродий (от греч. erodios – цапля) и обезьяна Пишек (от греч. pithekos – обезьяна) беседуют о воспитании. Источником для Сковороды, возможно, послужила народная украинская легенда. Автор сохраняет только один мотив повествования – преследование птички иноком. На этот эпизод, возможно, повлияла повесть Иакова Витрийского, из которой автор мог заимствовать мотив игры инока с птичкой. Образы собеседников символичны: смысл притчи о птичке аист, олицетворяющий возвышенное, небесное, духовное, разъясняет обезьяне, мыслящей более приземленно и иронично и не сразу понимающей притчу.

В повести В.Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825) [18], в которой разрабатывается та же тема, что и в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (для которой повесть Нарезного послужила одним из источников), сюжет об очарованном иноке служит «для углубления характеристики героев, емкости описаний» [19]: «Пан Харитон, горя нетерпением рассказать о новом, неопisanном удовольствии, какое вкушал он на голубятне, спустился с лестницы и немало подивился, увидя, что солнце было

весьма уже высоко на небе. Он уподоблялся тогда древнему иноку, который, слушая пение райской птички, не чувствовал, как протекали тысяча лет: воркование голубей было для него не менее очаровательно» [18, с. 838]. В этом эпизоде проявилась «характерная особенность творческой манеры Нарезного» - пародийное «несоответствие предмета изображения стилю описания» [20].

В стихотворении Д.П. Ознобишина «Сильф» («Под черемухой душистой...») (1829) [21] автор передаёт разбираемый сюжет, скорее всего, следуя повести Н.М. Карамзина. В заключительной строфе лирический герой произведения – сильф, так же как и герой Карамзина, обращается к девушке. Для Ознобишина, как и для Карамзина, в данном сюжете главное – эстетическое воздействие пения на душу человека:

*Так древность повесть сохранила
О райской птичке, старика
Песнь дивной в думу погрузила
На незаметные века. <...>
Я эту песнь тебе навею
При ярком трепете луны,
И мыслью ты умчишься с нею
В волшебный мир моей страны.*

В зарубежной литературе XIX века разбираемый сюжет появляется во второй части мистерии Генри Лонгфелло «Христос» (1872) – «Золотой легенде» [22], основу которой составляет переложение романа «Бедный Генрих» немецкого миннезингера XII века Гартмана фон Ауэ. В качестве вставной новеллы автор использует стихотворение о монахе Феликсе, прообразом которого является немецкое стихотворение XIII века [23], однако с другой рифмовкой. В первой редакции произведения Лонгфелло монах Феликс читает не Библию, а трактат блаженного Августина «О Граде Божиим», и не может его понять. Во второй редакции автор использует традиционный мотив непонимания иноком стиха из псалма 89. И.А. Бунин перевел три отрывка из «Золотой легенды» Лонгфелло, в том числе и рассматриваемое стихотворение (в первой редакции), на русский язык белым стихом [24]. При переиздании стихотворения Бунин изменил заглавие произведения: «Утро» (название сцены у Лонгфелло, в которой Бедный Генрих читает легенду об иноке Феликсе) на «Очарованный инок» – традиционное обозначение данного сюжета.

Композиция произведений с изучаемым

сюжетом имеет, как правило, девятичастную структуру: 1) экспозиция, в которой изображается герой произведения, в большинстве текстов – благочестивый инок; 2) желание героя на основании библейского стиха: а) узреть райское блаженство святых, б) понять, как тысяча лет проходят перед Господом как один день, в) понять, как можно вечно пребывать в райском блаженстве без пресыщения или г) на его сомнение в библейском стихе, говорящем о небесном блаженстве праведных или о Божием времени; 3) Бог посылает птичку (ангела) иноку; 4) инок видит (или слышит) птичку (ангела) и преследует её; 5) птичка (ангел) перепархивает на ветку дерева в лесу или в монастырском саду и поет, а инок много лет слушает птичку (ангела), думая, что прошло немного времени; 6) птичка (ангел) улетает и инок (в некоторых текстах состарившийся) возвращается в монастырь, где всё изменилось; 7) после разговора с монахами обители из летописи инок узнает истинное время своего отсутствия в монастыре; 8) он причащается и умирает (в некоторых текстах); 9) упоминается библейская цитата или аллюзия на нее, подтверждаемая повествованием.

В экспозиции большинства повестей действие переносится в неопределённое прошлое. К герою повести как к герою притчи прилагаются местоимения «один», «некий». Для изображения благочестия монаха в экспозиции часто используются циклическое время при упоминании молитв инока и эпитеты, например, «добрый», «благочестивый». В одних текстах инок является старцем, в других – юношей, что соотносится с его последующим старением. В некоторых текстах приводится имя инока, например, Феликс (от лат. *felix* – блаженный, счастливый).

В экспозиции или в концовке разбираемых произведений приводится одно из библейских изречений, говорящих о Царстве Небесном и Божием времени: «Чего глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило, то приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2.9, соединение Ис. 64.3 и Иер. 3.16), «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи» (Пс. 89.5) в большинстве текстов, «один день у Господа, как тысяча лет, и тысяча лет – как один день» (2 Пет. 3.8), «Бог услышал меня, и явилась слава Твоя» (перифраза Пс. 65.19).

В некоторых немецких произведениях указывается географическая и хронологи-

ческая локализация описываемых событий, не свойственная латинским притчам: в нидерландской повести «Инок из Аффлигема» («Der Mönch von Afflighem») [25] инок отсутствует в обители с конца VIII века до конца XI века, в концовке немецкой повести «Аббат Эрфо из Зигбурга» («Abt Erpho in Siegburg») [26] автор символически приурочивает исчезновение и возвращение Эрфо, умершего в 1367 году, к празднику Вознесения Христа. В немецкой народной легенде «Дивное пение птицы в Картхаузе» [27] рассказчик в экспозиции связывает время повествования со своим временем посредством географических и хронологических реалий: картезианского монастыря, прозываемого Картхауз, расположенного возле города Юлих, и вторжения французской армии, положившей конец существованию обители. В стихотворении Вольфганга Мюллера фон Кёнигсвинтера [28] и в двух других немецких легендах [29], действие приурочивается к цистерцианскому монастырю Гейстербах на Рейне.

В изучаемом сюжете дается библейский динамический образ иного мира. В евангельских текстах иной мир, Царство Божие (Царство Небесное), описывается с помощью глаголов движения «приходить», «достигать», «приближаться» [30] и уподобляется ряду действий, совершаемых людьми [31]. В разбираемом сюжете герой не путешествует в иной мир, он сам является герою. Из-за динамичности иного мира монах попадает в него не вследствие перемещения в пространстве и / или во времени, а вследствие духовного и / или эстетического переживания [32].

В некоторых из разбираемых произведений реализуется распространенный мотив попадания героя в иной мир во сне, что указывает на фольклорное влияние на повествование. Происходит сочетание идеального времени сна с идеальным пространством иного мира. В народной легенде Нового времени мотив попадания героя в иной мир во сне появляется в связи с распространенным фольклорным и апокрифическим сюжетом об «обмираниях». От повестей и текстов об «обмираниях» подобные легенды отличаются, главным образом, тремя мотивами: сон героя оказывается чудесно долгим, он оказывается в ином мире не только душой, но и телом, и по возвращении неверно определяет время своего отсутствия.

Как и в некоторых других фольклорных сюжетах, в разбираемом сюжете появляется образ вестника иного мира и спутника в

иной мир. Однако им оказывается не человек или чудесный странник, а птичка (или ангел в образе птички), посланные Богом инок по его молитве. Птицы – посредники между этим и иным миром – встречаются в волшебных сказках. Однако в настоящем сюжете птица сама является динамичным образом и носителем иного мира. Кроме примеров Мориса де Сюлли и И. Херольта [33], в большинстве произведений вместо ангела в образе птицы инок является райская птица. Такая трансформация объясняется влиянием фольклорной традиции на средневековую повесть в процессе её бытования. Образ птички (или ангела) отсутствует только в двух из разбираемых произведений – одной немецкой легенде [33, 144] и связанным с ней стихотворением В. Мюллера фон Кёнигсвинтера.

Эпизод пребывания инок в ином мире состоит, как правило, из трех мотивов: 1) появление птички (ангела) и ее преследование иноком, 2) слушание иноком её пения, 3) прекращение пения и исчезновение птички и возвращение инок в монастырь.

В большинстве текстов посредством эпитетов и глаголов отмечается красота птички и ее пения. В некоторых произведениях изображается очарование инок не внешним видом, а только пением птички.

При изображении преследования иноком птички в большинстве повестей и легенд используется фольклорный прием последовательного расширения и сужения образа. Из своей кельи (или церкви) инок попадает в сад, затем в лес, после чего останавливается под деревом, на ветке которого поет птичка.

В народных легендах и в духовных стихах позднего происхождения появляется ещё один мотив, также связанный с усилением динамического начала в фольклоре Нового времени, – многолетнее преследование птицы иноком: в течение ста или трехсот лет [34].

Возвращение инок из иного мира соотносится (в большинстве текстов) с исчезновением птички или прекращением ее пения, поскольку инок очарован пением и видением птицы, и очарование кончается, когда прекращаются оба явления.

Непротиворечивое, художественно достоверное и убедительное изображение иного мира и присущих ему особенностей предполагает наличие ряда обязательных и взаимосвязанных условий: неизменность внешнего облика и возраста героя в ином мире, отсутствие необходимости питаться (в ином мире фольклорный герой вкушает особые, вол-

шебные яства, дающие забвение), неведение реального периода времени, проведенного в ином мире как в вечном настоящем.

Во всех произведениях с сюжетом «Очарованный инок» реализуется топос неведения реального периода времени, проведенного в ином мире. В разбираемых произведениях с сюжетом «Очарованный инок» указывается различное время пребывания инока в ином мире: триста лет в большинстве текстов. В некоторых текстах (например, в «Монахе Феликсе») период отсутствия инока составляет сто лет, что объясняется мотивом узнавания Феликса одним из старцев, бывшем во время ухода Феликса послушником. Самый большой временной интервал – «тысяча лет» встречается в произведениях XVIII – начала XIX века – Н.М. Карамзина, Г.П. Сковороды и В.Т. Нарезного и, скорее всего, связан с библейским стихом из псалма 89.

О неизменности внешнего облика инока повествуется, как правило, в литературных произведениях, а его старение изображается в немецких народных легендах и в основном на них стихотворении В.Мюллера.

В некоторых текстах повествуется о смерти инока, которую можно объяснить не только фольклорным влиянием, но и контекстом приводимой во многих текстах библейской цитаты из псалма 89 [35]. В повести Карамзина инок умирает, пытаясь выразить неизъяснимую сладость пения птички. Автор использует образ души-птицы: «язык его тупеет, взор его меркнет – он падает, и святая душа вылетает из смертного тела». Смерти инока в некоторых текстах предшествует причащение героя перед смертью.

Исследование трансформации сюжета «Очарованный инок» в литературной и фольклорной традиции дает возможность сделать несколько итоговых замечаний.

На развитие разбираемого сюжета оказали влияние, главным образом, несколько факторов. Библейское влияние на повествование об очарованном иноке проявилось в представлении о динамичности и незримости иного мира. В произведениях Нового времени динамичность иного мира проявляется, главным образом, в изображении непрерывного преследования иноком птички.

Использование той или иной цитаты из Библии, иллюстрации и подтверждению которых служат повествование, также во многом определило развитие действия в тексте.

Особенности изображения птички (или ангела) повлияли на композицию анализи-

руемых произведений. Так, автор или рассказчик изображает желание инока поймать птичку, главным образом, в тех текстах, где описывается её красота (часто наряду с пением).

Фольклорное влияние на рассматриваемый сюжет проявилось в образе вестника иного мира и в заимствовании представления о неверном определении героем времени своего пребывания в ином мире.

Притчевое начало разбираемого сюжета способствовало его распространению в литературной и фольклорной традиции. По мере ослабления притчевого и усиления фольклорного начала в повествовании оно приобретает ряд новых особенностей: отмечается место и время действия, возраст инока, его старение и смерть по возвращении из иного мира.

Воздействие поэтики романтизма проявилось в увеличении времени пребывания инока в ином мире до тысячи лет и связанных с этим аллегорико-символических трансформациях образа райской птички или ангела в образе птички как мечты, видения, юности, вечности.

Для описания блаженства и красоты иного мира и его воздействия на человека используется поэтика радости, передаваемая посредством целого ряда художественных изобразительно-выразительных средств: эпитетов, сравнений, повторов, главным образом, для передачи воздействия красоты и пения птички на инока. Сам мотив преследования птички в одном примере и в диалоге Г. Сковороды изображается как игра, соотносимая с радостью. В разбираемых произведениях также используется эпитет «радостный» и другие образные средства, связанные с понятием «радости». Тема духовной радости и ее соотнесение с образом рая присутствуют преимущественно в средневековых произведениях. В разбираемых произведениях понятие радости передается через причастный оборот «преисполненный радости» и ряд эпитетов: «великая», «небесная», «блаженная», «вечного блаженства», «вечная», «райская», «чистейшая». Все эти образные средства присутствуют только в литературных произведениях, поскольку для агиографии характерно детализированное и подробное изображение внутренней жизни человека.

Изучение функционирования и бытования разбираемого сюжета демонстрирует постепенное усиление влияния фольклорной традиции на средневековую повесть, что привело к трансформации данного сюжета и, в

свою очередь, ускорило и облегчило фольклоризацию самой повести и ее усвоение литературной традицией Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. сюжеты 172.2 В, 2011 D, 2011.1 D, 377 F, 377.1.2 F, согласно указателю фольклорных сюжетов А. Аарне – С. Томпсона (The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography of Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes. Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1961).
2. Meyer Paul. Les manuscrits des sermons français de Maurice de Sully // Romania. Paris, 1876. Т. 5. P. 473 et suiv., 485.
3. Pauli Johannes. Schimpf und Ernst. Hrsg. von J. Bolte. Berlin, 1924. Bd.2. Nr. 562. S.321f.
4. Bebel Heinrich. Schwänke. Hrsg. Von Albert Wesselski. Bd. 1-2. München – Leipzig, 1907. Bd. 2. Nr. 137. S. 62f.
5. Рукопись Моск. Синод. Библ., №100, XVII в. // Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Сергиев посад, [б.г.]. Вып. 9: Из Великого Зеркала (публикация М.Н. Сперанского). – С. 11.
6. Памятники литературы древней Руси. Вып. 10. XVII век. Книга вторая. – М., 1988. – С. 58-59; Державина О.А. «Великое зеркало и его судьба на русской почве». – М., 1965. Гл. 35. – С. 215-217.
7. В 1676-1677 гг. книга была переведена с польского на русский язык по повелению царя Алексея Михайловича служащими Посольского приказа. Второе издание было выполнено не позднее 1689 г. с издания 1621 г. В этом переводе сборник дополняется русскими статьями, «рассказы беллетризуются, дополняются живыми подробностями, диалогами, в ряде случаев им придается русский колорит» (Ромодановская Е.К. Великое зеркало // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. – С. 167).
8. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. – СПб., 1881. – Т. 3. Указ.соч. №7 16. – С. 61–64.
9. «Сладость небесная» // Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 3. «Прав никто же» – «Епитафий» Симеону. Подготовка текста, статья и комм. Антони Хипписли и Лидии И. Сазоновой. Köln, 1996. – С. 114–115.
10. «Hortulus Reginae», Pars aestivalis, Dominica 3 Post Pascha, № 2, P.92.
11. Соловецкая рукопись №1038, Л. 7-8. // Владимиров П.В. К исследованию о «Великом Зеркале». Казань, 1885. – С 43-44.
12. Державина О.А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве // ИОЛЯ, 1967, Т. 26, вып. 1. Янв.-фев.
13. «Повесть о некоем старце иже 40 лет слушаая песней птичьих» // Синод. Собр., № 908.
14. Впервые напечатана в «Московском журнале». – М., 1791. – Ч. 3. – С. 198–201. Др. изд. Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина. – Т. 1-3. Т. 3. Повести. Смесь. – СПб., 1848. – С. 678-679.
15. Крестова Л.В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н.М.Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» (из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Вып. I. – М., 1961. – С. 206.
16. Чудинский Е.А. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. – М., 1864. № 17. – С. 92-94. См. также: Савченко С. Русская народная сказка. – Киев, 1914. – С. 152, 527.
17. Сковорода Г.С. Сочинения. – Минск, 1999. – С. 318.
18. Нарезный В.Т. Избранные романы. – М.-Л., 1933.
19. Рублева Л.И. Романы В.Т. Нарезного в контексте русской прозы конца XVIII - начала XIX веков. Автореф. дисс. ...д-ра филолог. наук. – М., 2002. – С. 24.
20. Рублева Л.И. Романы В.Т. Нарезного: традиции и новаторство. – М., 2002. – С. 149, 153.
21. Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. В двух книгах. Книга первая. – М., 2001. – С. 211.
22. Longfellow H.W. Christus: A Mystery. In three parts. I. The divine tragedy. II. The Golden Legend. III. The New English Tragedies. Boston and New York, 1887. P.158-163.
23. Mönch Felix. // Цит. по книге Л.Рёриха: Указ. соч. S. 124-128.
24. Впервые перевод И.А.Бунина, озаглавленный «Утро», был опубликован в изд.: Из «Золотой Легенды» Лонгфелло. I. Ночь. II. Утро. // Бунин И.А. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М., 1915. С. 130-132. С новым названием «Очарованный инок» перевод был напечатан в газете «Возрождение» (Париж, 1926. № 370, 7 июня). Перепечатан в изд.: Очарованный инок (Из Лонгфелло) // И.А. Бунин. Собрание сочинений. В 9 т. М., 1967. Т. 8. Стихотворения 1918-1953. Переводы. С. 202-204.
25. Wolf Johann Wilhelm. Niederländische Sagen. Leipzig, 1843. Nr. 148, S.230f.
26. Abt Erpho in Siegburg // Montanus. Die Vorzeit. Sagen und Geschichten der Länder Cleve-Mark, Jülich-Berg und Westphalien. Im wissenschaftlicher Umarbeitung von Wilh. von Waldrühl und Montanus. - Elberfeld, 1871. Bd. I. S. 178.
27. Der wunderbare Vogelsang zu Karthaus // Heinrich Hoffmann. Zur Volkskunde des Jülicher Landes. Bd. I. Sagen aus dem Rurgebiet. Eschweiler, 1911. Nr. 273. S. 107-110, цит. по книге Л.Рёриха: Röhrich L. Erzählungen des Mittelalters. Bern-München, 1962. Bd.1. S. 138-142.
28. Müller von Königswinter. «Der Mönch von Heisterbach». // Указ.соч. С. 279.
29. Der Mönch von Heiserbach. // Schäfer Wilhelm. Rheinsagen. München, 1914. S. 21-23, цит. по книге Л. Рёриха: Указ. соч. S. 142-143. Der Mönch von Heiserbach. //Schell Otto. Sagen des Rheinlandes. Leipzig, 1922. Nr. 189. S. 115 f., цит. по книге Л. Рёриха: Указ. соч. S. 144.
30. Мф. 3.2, 4.17, 6.10, 10.7, 12.28; Мк. 9.1; Лк. 10.9, 10.11, 11.2, 11.20, 22.18.
31. Мф. 13. 24-33, 13.44-48, 20.1 и след. , 22.2 и след.
32. Ср. «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, здесь», или «там». Ибо, вот, Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17. 20-21).
33. Das Exempel von den Freuden des Himmels. // Röhr-

rich L. Erzählungen des Mittelalters. Bern-München, 1962. Bd.1. S. 131. Источник: Herolt Johannes. Sermones discipuli de tempore, 1484, sermo 84.

34. Указ. соч. S. 142-143. Федорова В.П. Современное состояние духовных стихов в старообрядческой среде Южного Зауралья. // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия.

К 70-летнему юбилею Федора Мартыновича Селиванова. Международная научная конференция (Москва, 29-31 октября 1997 г.). – М., 1998. – С. 124.

35. В предшествующем стихе из Библии говорится: «Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «возвратитесь, сыны человеческие!»» (Пс. 89.4).

УДК 82;316.3

Киселева И.А., Гузина С.В.

Московский государственный
областной университет

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1820-30 ГОДОВ*

Аннотация. Статья решает проблему особенностей осмысления идеала в социальной сфере – отношений человека и общества. Авторы приходят к выводу о том, что для русской поэзии 1830-х годов высший смысл человеческого бытия открывается в реализации способности к любви и единению. Русские поэты-романтики развенчивают культ западноевропейского романтического индивидуализма и последовательно проводят мысль о необходимости нравственного служения творческой личности. Утверждается, что идеал личностного существования осуществим в те моменты, когда общее благое действие становится сущностью каждого.

Ключевые слова: идеал, личность, любовь, общество, патриотизм, поэт, толпа.

I. Kiseleva, S. Guzina

SPIRITUAL AND MORAL IDEAL OF
RUSSIAN POETRY OF 1820-30'S

Abstract. This article solves the problem of peculiarities of interpretation of ideal in social sphere, i.e. relationships of a person and society. The authors come to the conclusion that for Russian poetry of 1830's the highest sense of human existence is revealed in realization of person's abilities to live in love and unity. Russian romantic poets debunk West European cult of romantic individualism and a thought about creator's moral duty is coherently pursued in

their works. It asserts that ideal of personal being is realized in those moments when the common good becomes an essence of everyone.

Key words: ideal, personality, love, society, patriotism, poet, crowd.

Конец XVIII– начало XIX века отмечен особым интересом к проблеме духовно-нравственного идеала. Этот вопрос рассматривался как в немецкой классической эстетике (ему отводится большое внимание в работах И. Канта, И. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля), так и поднимался в образной форме на страницах художественных произведений. Отошедшая от нормативности классицизма с его канонически ориентированным мышлением, стоящая перед духовным самоопределением, личность человека романтической эпохи оказалась лицом к лицу с проблемой индивидуального выбора по отношению к идеалу и осознанию того, что есть идеал. В современном литературоведении в осмыслении романтического идеала намечены две основные линии: первая связана с проблемой идеала в социальной сфере – отношений человека и общества, вторая – в сфере чисто эстетической. Вторая линия представляется на современном этапе науки более разработанной, и потому одна из перспектив изучения романтического идеала именно исследование исканий романтизма в сфере постижения проблемы «человек и общество». Безусловно, это требует уточнений и разъяснений, возможных в свете методологических посылок, сформировавшихся в русле так называемого духовного, или религиозного литературоведения, опирающегося во

* © Киселева И.А., Гузина С.В.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАО, государственный контракт №П2198 от 09.11.2009, тема проекта «Человек и общество: духовно-нравственные идеалы личности в русской романтической литературе».